

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ИХ БЫЛИ ТЫСЯЧИ...

В Пермском крае – новые «Последние адреса»

Почти полвека большая семья Ничиперовичей из посёлка Сергеевский Гайнского района не знала, что случилось с их мужем и отцом: 25 октября 1937 года его вызвали по работе в село Коса, и он так и не вернулся домой. Лишь через много лет выяснилось, что Александра Фабияновича арестовали, обвинили в шпионаже и спустя два месяца расстреляли.

5 апреля 2017 года в память об Александре Ничиперовиче на стене дома, где он жил, по инициативе редакции краевой газеты «Звезда» и жителей посёлка был установлен памятный знак «Последний адрес».

К дому, где жила семья Ничиперовичей, собрались соседи — ветераны и школьники. Траурную церемонию открыл глава поселения Виталий Тиунов: молодой руководитель многое сделал для того, чтобы акция состоялась. Встреча незаметно перешла в общий разговор, люди вспоминали годы испытаний, выпавших на долю спецпереселенцев.

— Александра Фабияновича я, конечно, на свете божьем не застала, но очень хорошо знала его жену Сабину Иосифовну. Наши семьи дружили, — рас-

О семье Ничиперовичей рассказывают представители «Мемориала» Александр Калих и Александр Чернышов

сказывает Тамара Терёхина. Дедушку и бабушку Тамары Михайловны — Кирилла и Евгению Шепель, как и тысячи других крестьян, раскулачили и выслали на север Коми-

Пермского округа, только не из Минской области, как Ничиперовичей, а из Ростовской. Александр Ничиперович был фельдшером. После его ареста за медпомощью люди стали об-

ращаться к Сабине Иосифовне. Она, по словам Тамары Михайловны, в медицине разобралась, часто выручала людей.

Окончание на стр. 2

В НОМЕРЕ

О выжившем

Историкам-профессионалам не нужно рассказывать о том, что такое «польские дела» 1937 года. В июле-августе все областные и республиканские управления НКВД получили из Москвы распоряжения о необходимости выявить и обезвредить польские шпионско-диверсионные организации, действующие на подведомственных территориях, — и начали работать.

Григорий Фёдорович Решетко выжил в ГУЛАГе и добился своей реабилитации, возвращения инвалидной книжки и назначения пенсии.

Стр. 3

Наши льготы, которые есть — и которых нет

Исполнять законы о льготах жертвам репрессий и по-настоящему, а не только на бумаге, расплачиваться за сломанные судьбы — вещи разные. В этом мы снова убедились после беседы с заместителем министра социального развития Пермского края Мариной Визе.

«Вестник Мемориала» спросил заместителя министра о санаторно-курортных путёвках для пожилых людей, направлениях в Пермский краевой госпиталь для ветеранов войн и субсидиях на улучшение жилищных условий.

Стр. 4

Юбилеры апреля

Поздравляем мемориальцев, бывших репрессированных и их родственников, которым исполнилось 85, 90 и 95 лет.

Стр. 4

«Чистые окна» — доброе дело

Наступила весна, и пермская инициативная группа «Молодёжный Мемориал» начала традиционную благотворительную акцию «Чистые окна». Суть акции заключается в том, чтобы за месяц — с 15 апреля по 15 мая — помыть окна в квартирах одиноких пожилых людей — жертв политических репрессий, ветеранов войны и труда, инвалидов — всех тех, кому нужна помощь.

Если вам нужна помощь в весеннем мытье окон, или, напротив, вы хотите помочь пожилым людям, обращайтесь в волонтерскую службу «Мемориала» по телефону (342)282-54-42.

Стр. 4

КОМИССИЯ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ПРАВ ЖЕРТВ РЕПРЕССИЙ ОТЧИТЫВАЕТСЯ О РАБОТЕ

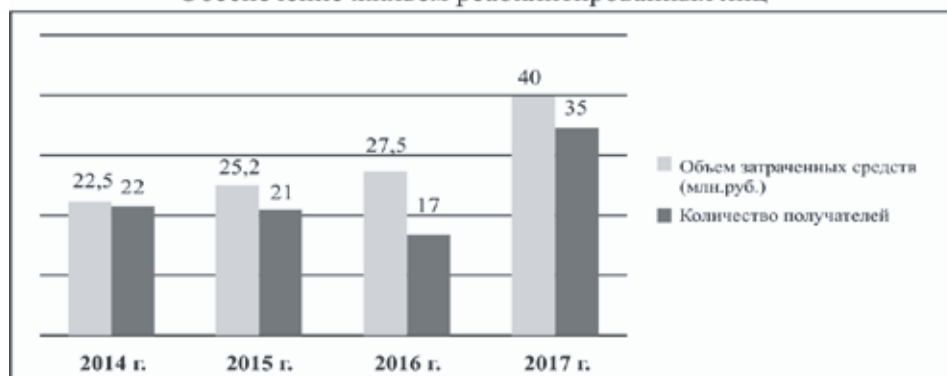
Первое заседание комиссии в нынешнем году состоялось 7 апреля. В приведённой ниже таблице содержатся сведения о её работе в 2016 году.

ИНФОРМАЦИЯ О РАБОТЕ ПЕРМСКОЙ КРАЕВОЙ КОМИССИИ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ПРАВ РЕАБИЛИТИРОВАННЫХ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ ЗА 2016 ГОД

Предоставление мер социальной поддержки реабилитированным лицам

Наименование меры социальной поддержки	Количество получателей		Объем затраченных средств (млн.руб.)	
	2015 г.	2016 г.	2015 г.	2016 г.
Ежемесячная денежная выплата	6 621	6 333	81,8	82,8
Ежемесячная денежная компенсация на оплату ЖКУ	17 666	16 563	125,9	123,1
Компенсация проезда на транспорте один раз в год	1 129	1 049	5,9	5,7
Расходы на погребение	142	138	318,35 тыс.руб.	376,15 тыс.руб.

Обеспечение жильем реабилитированных лиц

На сегодняшний день на территории Пермского края проживает 10 477 граждан — жертв политических репрессий, из них:

- 10 349 — реабилитированные лица;
- 128 — граждане, признанные пострадавшими от политических репрессий

Основные результаты работы Комиссии в 2016 году:

- проведено 4 плановых и 1 внеплановое заседание Комиссии, на которых:
 - рассмотрены актуальные на сегодняшний день вопросы по исполнению Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»;
 - утверждены списки получателей субсидии.
- рассмотрено 20 обращений граждан (1 - по вопросам реабилитации, 19 - по жилищному вопросу)
- рассмотрен и утвержден план мероприятий по увековечиванию памяти жертв политических репрессий
- обеспечено взаимодействие с органами исполнительной власти, общественными организациями и объединениями по защите интересов реабилитированных граждан;
- обеспечено размещение актуальной информации в сети интернет, в печатных изданиях края.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ИХ БЫЛИ ТЫСЯЧИ...

Окончание. Начало на стр. 1

— У них так много книг по медицине было, — вспоминает старейшая жительница посёлка, 93-летняя бывшая ссыльная Елена Михайловна Чащина. — Потом врачевала и их дочь Анна.

Жили Ничиперовичи в той части Сергеевского, которую местные жители до сих пор называют «старым», или «кулацким» посёлком.

— Здесь и селили спецпоселенцев в тридцатых, — замечает Тамара Терёхина. — А умерших хоронили на болоте, прямо в воду, недалеко отсюда. На поселковом кладбище хоронить ссыльных первое время не разрешали.

Зонай приёма семей «кулаков» из западных территорий страны Коми-Пермяцкий округ определили в 1929 году. Раскулаченных везли до станций Григорьевская и Менделеево, после чего под конвоем колонной гнали в лесные посёлки. «Они, обессиленные от голода и изнурённые месячным переездом в товарных вагонах, умирали в пути. Трупы умерших и замёрзших закапывали в снегу на обочинах, а весной местные жители собирали их и хоронили на кладбище», — рассказывает историк Нина Дерябина и Анатолий Коньшин в своей исследовательской работе «Формирование системы спецпоселений в Коми-Пермяцком округе в 1930-1940 годы».

Тех, кто добрался до места назначения, бросали на пустом месте. Вобьют кол в землю, и всё — обживайтесь, как хотите. У людей не было инструментов — ни лопат, ничего. Но они рыли землянки, строили шалаши. Больше трети из тех, кто прибыл в Сергеевский, погибли. Но те, кто

сумел выжить, со временем построили дома, наладили жизнь в посёлке.

— Они были хорошими, умными хозяевами. Именно лучших людей, лучших крестьян та власть и уничтожала, — рассказывает почётный председатель Пермского отделения общества «Мемориал» Александр Калих. — Сначала против них настраивали местное население, но постепенно коренные жители поняли, что ссыльные — никакие не враги, они настоящие работяги, такие же, как и местные.

Наступил 1937 год — год «Большого террора». Начались массовые аресты выходцев из кулацких семей. Обвинения были самыми причудливыми: шпионаж, создание контрреволюционных повстанческих организаций, подготовка террористических актов против руководителей партии и правительства. В эту сеть попал и Александр Фабиянович Ничиперович. 25 октября его вызвали в село Коса якобы за медикаментами, а когда он прибыл на место, сотрудники Косинского райотдела НКВД его арестовали.

У Александра Фабияновича остались жена и пятеро детей. Самой младшей дочери было четыре года, старшему сыну — 14 лет. Сабину Иосифовну, как и других ссыльных женщин, направили на лесоповал. Вскоре, надорвавшись от непосильного труда, она слегла. Старшим детям пришлось бросить школу и идти на лесные работы, чтобы получать рабочий паёк.

Из всей семьи пробиться к высшему образованию сумел лишь один сын — Альберт. Он стал журналистом, многие годы работал в редакции газеты «Звезда». «Когда мы вы-

росли, когда позади были те трудные времена, мать как-то вспоминала: «Кто-то из вас в одну военную зиму потерял карточки. Корова — в запуске, идти и просить что-то у соседей было уже стыдно... Возвращаюсь с работы, и ноги подкашиваются: боялась увидеть ваши голодные глаза. Приходила тогда страшная мысль: взять батькину бритву и всех порезать во сне, а потом самой повеситься...», — написал Альберт Ничиперович в статье «Спецпереселенцы», опубликованной в №4 журнала «Лесная новь» за 1990 год.

Сабина Иосифовна умерла в 1970-е годы. До самой смерти она ждала. Надеялась, что её муж жив и однажды вернётся. В 1956 году, после XX съезда КПСС, она написала письмо начальнику областной милиции: «В 1937 году в октябре мой муж Ничиперович Александр Фабиянович был якобы райздоровом села Коса вызван, а фактически по прибытию арестован. С тех пор я не знаю, за что? И куда исчез мой муж? Убедительно прошу вас оказать мне помощью по существу моего заявления и сообщить, жив ли мой муж и за что был арестован».

Но ответа Сабина Иосифовна так и не получила, как и на четыре последующие письма, в которых слёзно просила ответить на вопрос: «Где мой муж?»

В феврале 1991 года уже сын — Александр Александрович — обратился за помощью в региональное управление КГБ, и наконец-то пришёл ответ. Ему сообщили, что отца по надуманному обвинению осудили якобы за причастность к польской разведке и приговорили к высшей мере наказания — расстрелу.

Такие мемориальные таблички напоминают будущим поколениям о трагической судьбе тысяч ни в чем не повинных людей

Место захоронения не установлено. В документе было также сказано, что 23 апреля 1957 года Александра Фабияновича Ничиперовича реабилитировали, а уголовное дело закрыли за отсутствием в его действиях состава преступления.

Сегодня детей Александра Фабияновича уже нет в живых. В посёлке Сергеевский живут его внучка Галина и правнук Александр, который, говорят, внешне очень похож на своего деда. Ещё одна внучка Александра Фабияновича живёт в Кудымкаре, но она приехать на установку памятного знака «Последний адрес» не смогла: лежала в больнице.

Жители Сергеевского добрым словом вспоминают се-

мью Ничиперовичей. Геннадий Александрович был участником Великой Отечественной войны, получил девять боевых наград, участвовал в параде Победы в Москве. После войны работал в Сергеевском мастером лесозаготовок. Александр, окончив Лесной техникум, руководил лесопунктом. Полина стала учителем начальных классов, работала директором школы. Анна тоже окончила техникум, преподавала в школе, работала библиотекарем. Альберт, как уже говорилось, стал известным журналистом.

Табличка «Последний адрес» в память об Александре Ничиперовиче стала первой в Гайнском районе и третьей в Коми-Пермяцком округе: в августе 2015 года такой знак был установлен в селе Купрос Юсьвинского района в память о Валентине Старцеве, а в апреле 2016 года — в деревне Лопатина Кудымкарского района в память о Филиппе Лопатине. Всего в Пермском крае установлено 20 мемориальных знаков «Последний адрес».

Проект «Последний адрес» — это гражданская инициатива, направленная на увековечивание памяти о людях, подвергшихся политическим репрессиями в годы советской власти. В память о пострадавшем на стене дома, из которого человека в своё время увели, устанавливается маленькая, размером чуть больше ладони, мемориальная табличка. Любой желающий может установить памятный знак, подав заявку на сайте проекта. Консультацию можно получить в Пермском отделении общества «Мемориал» по тел.: (342) 282-54-42, (342) 281-95-59; e-mail: pmet@yandex.ru; почтовый адрес: 614070, г. Пермь, ул. Крупской, д. 40. Координатор проекта в Пермском крае — Александр Чернышов.

Елена Хорошева, Кудымкар, фото Дмитрия Окунцева

В следующем номере «Вестника» мы расскажем о новых «Последних адресах» в селе Карёво Ординского района

25 октября 1937 года отсюда ушел Александр Фабиянович. Ушел навсегда

СУДЬБА

О ВЫЖИВШЕМ

Алексей Каменских: Долго думал, как озаглавить этот текст: о шансах, о надежде, о мужестве, о стервозности...
О выжившем.

Историкам-профессионалам не нужно рассказывать о том, что такое «польские дела» 1937 года. В июле-августе все областные и республиканские управления НКВД получили из Москвы распоряжения о необходимости выявить и обезвредить польские шпионско-диверсионные организации, действующие на подведомственных территориях, — и начали работать.

Пермские следователи никак не могли ударить перед коллегами в грязь лицом и тоже принялись сочинять историю о разветвлённой сети польских агентов. Где только их найти? Конечно, поляки в Перми жили давно — ещё со времён польских восстаний XIX века, но к 1937 году их осталось не так много. Как-то несерьёзно, неудобно отчитываться перед начальством... Но кто сказал, что польский агент обязательно должен быть поляком? Достаточно быть католиком, или родиться на территории, входящей сейчас в состав Польши, или квартировать в доме, принадлежащем поляку, или носить фамилию, звучащую на польский лад, или... ну, фантазия следователей развивалась свободно, подчиняясь почти поэтической игре ассоциаций.

В итоге к пермскому «польскому делу» оказались привлечены русские, поляки, евреи, белорусы, украинцы, литовцы — пенсионеры и бухгалтеры, печники и дворники, студенты и домохозяйки. Потом, в 1939 году, когда система НКВД в очередной раз перемалывала собственных сотрудников, «поэты» пермского дела признавались, как конвейерным способом по несколько суток подряд вели допросы, ломая обвиняемых (это, кстати, хорошо видно по текстам протоколов: меняются почерки следователей, повторяются по кругу одни и те же вопросы), как сами сочиняли протоколы допросов.

Некоторые тексты звучат хармсовским абсурдом и жутью. Представьте четверых пенсионеров, которые под видом сбора грибов идут в лес — для того, чтоб устроить поджог завода имени Дзержинского. Представьте сотрудницу редакции областной газеты, которая возглавила женское отделение организации — чтоб под видом корреспондента проникать в заводские столовые и подсыпать яд в кастрюли с супом! Представьте агента ОГПУ с почти двадцатилетним стажем, которого приговаривают к расстрелу за работу на польскую дэфензиву (из текста протокола почти слышна интонация: мужики, вы чего? я же свой! я в органах работаю с тех времён, когда вы под стол пешком ходили!).

Из пятидесяти с лишним человек, проходивших по делу, не расстреляли только троих.

Об одном из них мне и хотелось бы рассказать.

На момент начала «польского дела» в пермских вузах училось несколько выходцев из Западной — тогда польской Белоруссии. В основном — белорусы, но были и евреи, и поляк, и даже один русский. В конце 1920-х — начале 1930-х годов они разными путями бежали из польской Белоруссии в советскую, сдавались ОГПУ, далее, как правило, по несколько месяцев проводили в Саровском концлагере (это официальное название), а потом разными путями оказывались в Перми — в качестве студентов Пермского сельхозинститута или пединститута-ского рабфака.

На допросах они вели себя совершенно иначе, чем большинство арестованных по «польскому делу»: за единственным исключением, никто из них не брал на себя вину и не оговаривал других.

Одним из этих студентов был Григорий Фёдорович Решетко. Белорус, уроженец деревни Трощица Столбцовского уезда Новоградского воеводства (теперь — Столбцовский район Минской области), он в юности работал сыроваром, участвовал в работе белорусских национальных организаций — Белорусской рабочей громады и Товарищества Белорусской школы — в Польше. Решение бежать в Советский Союз на допросе объяснял преследованием со стороны польской полиции. На момент ареста 2 октября 1937 года ему было 33 года. К тому времени он успел отсидеть в Саровском лагере, поработать на трубоукладке, где потерял левую ногу и был переведён на инвалидность, отучиться два курса на рабфаке педагогического института. Как и другие студенты педагогического рабфака, он жил в студенческом общежитии на улице Генкеля, 1, теперь на том же месте находится восьмое общежитие ПГНИУ.

На допросе Решетко подробно рассказал о своей жизни в Польше, о переходе границы. Однако на снова и снова повторяющиеся вопросы, утверждения: «Вы — разведчик польской разведки, переброшенный на советскую территорию с целью шпионской работы; какой разведкой вы переброшены в СССР? Назовите имена других агентов!» — отвечал: «На этот вопрос отвечать не буду, так как он задан не по существу».

Наконец, в какой-то момент почерк следователя в протоколе допроса становится размашистым — таким почерком записываются признательные показания («да, я шпион, засланный на случай войны с СССР») — но ни имён, ни заданий не называется. Самое поразительное, что вслед за этим текстом идёт приписка, выполненная, возможно, рукой самого Решетко: «От последних вопросов отказываюсь, так как я»... На этом протокол допроса обрывается.

Что было дальше? Все, кто подписал признательные показания, оговорил других, исправно сотрудничал со следствием, были расстреляны.

Почти все не сломавшиеся — тоже. Григорий Решетко был приговорён к десяти годам исправительно-трудовых лагерей и отправлен в Ухтпечлаг. Казалось бы, он, одноногий инвалид, обречён, однако в марте 1941 года молотовская прокуратура рассматривает его жалобу на несправедливость приговора и решает оставить приговор без изменений (возможно, до Решетко дошли какие-то сведения о приговорах, вынесенных его следователям, сознавшимся в фальсификации всего «польского дела»). Значит, через четыре года после ареста он был ещё жив.

В 1949 году дело Решетко по какой-то причине было затребовано Спецотделом УМВД Днепропетровской области. В 1955-56 годах из центра в Молотов шли запросы о местонахождении Решетко. На одном из таких запросов — требовании на проверку по оперативному учёту, отправленном в мае 1956 года, — стоит ответ: «В ноябре 1941 года содержался в Ухтижемлаге, ныне Печорский ИТЛ». Очевидно, более свежей информации сотрудники органов не имели. Решетко потерялся.

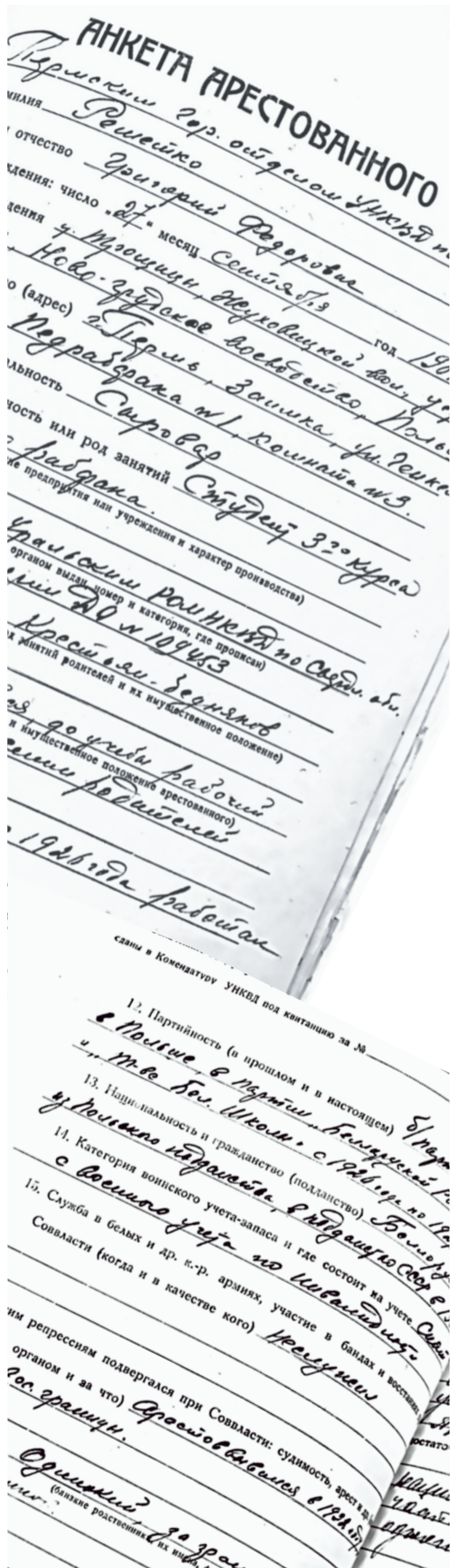
И вдруг в 1956 году он сам пишет в Прокуратуру СССР из Днепродзержинска. Он выжил — пережил процесс 1937 года, десять лет лагерей в Республике Коми, по освобождении сумел устроиться рабочим на Днепродзержинскую ГЭС и теперь говорил о своей жизни — о бегстве из Польши, студенчестве, аресте, допросе, приговоре... Это письмо Решетко — тот редкий документ, который позволяет судить о том, что происходило во время «конвейерных процессов», не только по тексту протокола допроса.

По словам Решетко, во время допроса следователь требовал от него подписать совершенно вздорный текст — и Решетко, естественно, отказывался: как же можно подписывать такую чушь? В тот момент, когда следователь потерял терпение, в кабинет вдруг вошёл другой следователь и потребовал «кончать скорей с этим заданием — времени мало, а обвиняемых несколько десятков, нужно срочно всех «колоть». Решетко ответили в камеру, и через несколько дней охранник, выведя его в коридор, сообщил об осуждении на 10 лет лагерей.

В письме в прокуратуру Решетко требовал(!), чтоб его реабилитировали и вернули инвалидное удостоверение, изъятые при обыске. В 1956 году ему было уже 52, при этом он, работая всю жизнь, не имел официального трудового стажа и не мог рассчитывать на пенсию. За этим письмом в прокуратуру последовали новые и новые: Решетко добивался своей реабилитации, возвращения инвалидной книжки и назначения пенсии.

И добился же! Единственный выживший...

Алексей Каменских,
кандидат
философских наук

КОНСУЛЬТАЦИЯ

НАШИ ЛЬГОТЫ, КОТОРЫЕ ЕСТЬ – И КОТОРЫХ НЕТ

Продолжение актуальной темы

«Вестник Мемориала» спросил заместителя министра социального развития Пермского края Марину Визе о санаторно-курортных путёвках для пожилых людей, направлениях в Пермский краевой госпиталь для ветеранов войн и субсидиях на улучшение жилищных условий.

Напомним, в ноябре 2016 года Марине Визе на страницах нашей газеты уже рассказала о мерах поддержки реабилитированных жертв репрессий и их родственников. Но после этого мы получили много вопросов от читателей и вновь встретились с представительницей ведомства. В прошлом, мартовском, номере вы могли прочитать её уточнения по поводу льгот по зубопротезированию, проезду на железной дороге и в пригородных автобусах. Сегодня мы продолжаем разговор.

Станет ли проще получить путёвку на курорт?

Увы, нет. В законе Пермской области 2004 года «О социальной поддержке отдельных категорий населения» сказано: реабилитированные и их родственники имеют право на «первоочередное получение санаторно-курортных путёвок». На самом деле направления на курорты жертвам террора, не говоря уже об их родных, не дают. На них можно надеяться, только если вы ещё и льготник другой категории — например, инвалид.

Об этом нам, кстати, рассказала и руководитель пермской Ассоциации жертв политических репрессий Ламара Живак: — Из тысячи членов нашей ассоциации на курорты в год ездят лишь несколько человек. Все они — ещё и инвалиды. Как правило, даже и они ждут своей очереди по три года. При этом понятно, что сами позволить себе путёвки мы не можем.

Замминистра соцразвития Пермского края Марина Визе отметила, что за путёвки отвечает Фонд социального страхования России (ФСС), и он даёт их «исходя из лимитов», то есть из размера финансирования из федерального бюджета. Чиновница добавила, что сотрудники её министерства «готовы оказать содействие в сборе документов, направлении запросов» в ФСС. Возможно, это хоть как-то поможет ускорить получение направления в санаторий или на курорт.

А что с краевым госпиталем для ветеранов войн?

Тоже всё по-прежнему. С направлениями в госпиталь ситуация в каждом муниципалитете разная. Где-то жертвы репрессий знают о том, что можно в него попроситься, а где-то — нет. Скажем, в Перми, насколько нам известно, не возникает проблем с лечением в учреждении.

— В ближайшее время с представителями Пермского «Мемориала» мы должны обсудить, как донести до людей эту информацию, — считает Марина Визе. — Кстати, проблему необходимо будет решать комплексно, потому что, например, кроме самих направлений появятся вопросы о транспорте. В госпиталь надо будет добираться, и здесь тоже могут появиться трудности.

Добавим, в 2017 году направлений дадут меньше, чем в прошлом. В 2016-м курс реабилитации в госпитале прошли 350 человек, говорится в отчёте прикамской комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий. В том же документе сказано, что до нынешнего декабря включительно запланировано порядка 300 путёвок в учреждение.

Насколько продвинется очередь на улучшение жилищных условий?

На большее количество семей, чем раньше. За реабилитированных, которые нуждаются в улучшении жилищных условий, отвечает краевой бюджет. Это касается людей, у которых вообще нет квартиры, или она находится в аварийном доме, или на каждого члена семьи приходится площадь меньше учётной нормы.

В два предыдущих года субсидии получили 38 семей, а только в этом должны ещё 30. Много это или мало? Как считает Марина Визе, главное, что есть рост. Но даже если всё пойдёт по плану, к началу 2018 года в очереди останется ещё 250 жертв репрессий. И они, увы, отнюдь не молодые люди.

В прошлом году в комиссию по восстановлению прав реабилитированных пожаловались 20 раз, и 19 обращений касались как раз жилищных условий, говорится в отчёте совета. Иными словами, льгота действует — очередь движется, — но проблема не решается.

Михаил Данилович

ВКРАТЦЕ

РЕЖИССЕР ГЛЕБ ПАНФИЛОВ ЭКРАНИЗИРУЕТ «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА»

Агентство Интерфакс сообщает об этом со слов Натальи Солженицыной, вдовы автора легендарной повести Александра Солженицына. «О чём я думаю с большой надеждой — это о фильме «Один день Ивана Денисовича», который собирается снимать замечательный ре-

жиссер Глеб Панфилов, произведение которого я очень люблю. Надо, чтобы это делалось у нас на родине, с русским типажом и русским пониманием той трагедии, через которую страна прошла. То, что это будет делать Панфилов, меня очень радует», — сказала она.

Работа над картиной начнётся в ближайшее время. Предполагается, что её выпустят к концу 2018 года. Панфилов уже снял сериал по роману Солженицына «В круге первом». Сама Наталья Солженицына работает над 20-м томом сочинений писателя, всего же планирует издать 30 томов.

АКЦИЯ

«ЧИСТЫЕ ОКНА» – ДОБРОЕ ДЕЛО

Наступила весна, пусть не такая дружная и тёплая, как хотелось бы, но всё чаще светит солнышко, и пермская инициативная группа «Молодёжный Мемориал» начала традиционную благотворительную акцию «Чистые окна». Суть акции заключается в том, чтобы за месяц — с 15 апреля по 15 мая — помыть окна в квартирах одиноких пожилых людей — жертв политических репрессий, ветеранов войны и труда, инвалидов — всех тех, кому нужна помощь.

Акция «Чистые окна» проходит в Перми каждую весну и осень. Впервые она состоялась в 2001 году и стала традиционной. Нынче ей исполняется 15 лет — серьёзная цифра для волонёрской акции. За эти годы в ней приняло участие немалое количество пермяков, в основном молодёжь в возрасте 18-25 лет. Помыта не одна сотня окон и подарена не одна тысяча улыбок.

Эта акция — не просто благотворительная помощь, а диалог поколений. В современном мире самый ценный, невосполнимый ресурс — это наше время, это внимание и забота, которую мы можем подарить нашим старикам, это радость общения.

Иван Васильев, волонтер акции «Чистые окна» прошлых лет:

— «Чистые окна» — это не только работа, это ещё и общение с незаурядными людьми! Наши беседы — это разговор двух людей, принадлежащих к разным поколениям, разным социальным группам, обладающих богатым и разнообразным жизненным опытом!

Я нигде и никогда не видел такой искренней до слёз благодарности за то, что я просто поговорил с человеком. Нигде и никогда. И мне очень больно, что я не могу посвятить больше времени, чтобы сделать повседневную жизнь этих людей лучше и веселее.

произведение искусства, документ эпохи и человеческой жизни! Её рассказы безумно интересно слушать и читать. Мы с подружкой Аней посетили её за пару дней до её 90-летия. Было вдвойне приятно поздравить её в день её рождения и поздравить с юбилеем!

Спасибо «Мемориалу» за

Татьяна Жикина, волонтер прошлого года:

— Я принимала участие в акции «Чистые окна» «Молодёжного Мемориала» в первый раз. Наверное, ничего нового я не скажу, но, черт возьми, это отличная акция! Не так сложно найти пару-тройку свободных часов на неделе и сходить в гости к приятным бабушкам, чтобы помыть им окна, сделать уборку.

Я побывала у двух бабушек — Веры Кузьминичны и Людмилы Александровны. Обе они очень живые и позитивные. Людмила Александровна со своей дочерью уже долгое время создают альбомы воспоминаний, где вклеивают фотографии из молодости Людмилы Александровны и записывают к ним комментарии. Это настоящее

море положительных эмоций и знакомство с замечательными людьми!

В нынешнем списке бабушек и дедушек, которые нуждаются в волонёрской помощи, около 60 репрессированных пожилых людей и около 15 ветеранов. Однако список может быть продолжен! Волонтеры помогают не только жертвам политических репрессий, но всем пожилым людям, которым трудно самостоятельно мыть окна. Обращайтесь в волонёрскую службу «Мемориала» по телефону (342)282-54-42. Координатор Кристина Владыкина: 8-922-32-52-004.

Фото Дмитрия Окунцева

ПОЗДРАВЛЯЕМ

ЮБИЛЯРЫ АПРЕЛЯ

Правление Пермского «Мемориала» поздравляет юбиляров — мемориальцев, бывших репрессированных и их родственников, которые отмечают круглые даты

30 апреля празднует 90-летие **Ирина Алексеевна Куликова**.

10 апреля 95 лет исполнилось **Марии Викторовне Чазовой**. Во время Большого террора её семья жила в Сибири, в городе Барабинске. Отца арестовали в 1937 году, а в 1938 расстреляли. Мария Викторовна помнит, какие красивые туфельки он шил ей и маме — по профессии отец был сапожником.

С 1972 года Мария Викторовна живёт в Перми. Здесь она работала на непростой, «неженской» должности — была механиком на железной дороге. Вместе с ней юбилей отмечают два внука, внучка и правнуки.

29 апреля отмечает 85-летие **Анастасия Ивановна Плотник**. В детстве она жила в Воткинске и после того, как в 1942 году репрессировали её отца, 10-летней девочкой пошла работать. В 1950-е

годы работала на строительстве Воткинской ГЭС. Несмотря на трудности, получила высшее образование и специальность геофизика. Имя Анастасии Ивановны занесено в Книгу почёта треста Пермнефтегеофизика.

С небольшим опозданием поздравляем **Жанну Александровну Брицкую**, которой **8 марта** исполнилось 85 лет.

Живите долго и будьте счастливы!

